

О. Е. ПЕКЕЛИС

Российский государственный гуманитарный университет
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
opekelis@gmail.com

НУЛЕВАЯ АНАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ *

Статья посвящена исследованию условий, ограничивающих опущение референтного подлежащего при финитном глаголе (т. н. нулевая анафора) в русском языке XIX в. и сегодня. Вопреки устоявшемуся мнению, в XIX в. эти условия отличались от современных: подлежащее опускалось свободнее, чем позволяет сегодняшняя норма. Этот факт продемонстрирован для подлежащего в разных синтаксических контекстах (простое утвердительное предложение, вопросительное предложение, зависимая клауза) на материале данных Национального корпуса русского языка. Произошедшие за последние два столетия изменения предложено интерпретировать как грамматикализацию паттерна, известного в типологии как *partial null-subject language*. Тем самым признаки, по которым современный русский язык отличается от языка XIX в. в сфере нулевой анафоры, пополняют перечень признаков, отвечающих этому ярлыку.

Ключевые слова: нулевое подлежащее, анафора, русский язык XIX в., корпус, вопросительное предложение, зависимая клауза, грамматикализация.

1. Введение

Современный русский известен как язык, ограниченно допускающий опущение подлежащего при финитном глаголе (*partial null-subject language* в терминологии [Roberts, Holmberg 2010]). С одной стороны, от языков с последовательной нулевой анафорой (*full null-subject languages*), например итальянского или испанского, его отличают необязательность опущения референтного подлежащего в неконтрастивных контекстах и более узкие условия, разрешающие такое опущение. С другой стороны, в современном русском возможность оставлять подлежащее невыраженным наличествует

---

* Статья подготовлена участником «Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ» на базе Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ на основе данных, полученных в период стажировки. Автор глубоко признателен руководителю стажировки Е. В. Рахилиной, а также анонимным рецензентам за советы и замечания.

в ряде случаев, в которых она отсутствует в языках, последовательно запрещающих нулевую анафору (*non-null-subject languages*), например в английском или немецком¹.

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса об эволюции явления нулевой анафоры в русском языке на протяжении последних двух столетий. Статья продолжает проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ по поиску и интерпретации лексико-грамматических сдвигов, произошедших в русском языке начиная с XIX в. (см. подробнее [Рахилина и др. 2016]). В рамках проекта был создан Корпус языка XIX в., который на текущем этапе содержит размеченный в пилотном варианте роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840). Текст романа стал отправной точкой и для настоящей работы: благодаря разметке, классифицирующей случаи отклонения нормы XIX в. от нормы современной, оказалось возможным выявить контексты с опущением подлежащего, архаичные с позиций современного языка. В качестве следующего шага эти и подобные контексты были проанализированы на материале подкорпуса текстов XVIII–XIX вв. и Газетного корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) на предмет их соответствия более общим тенденциям языка XIX в. и отклонения от общих тенденций века XXI. Выбор Газетного корпуса мотивирован тем, что тексты современных СМИ, как можно думать, отражают современную литературную норму более объективно, чем подкорпус текстов XX–XXI вв. основного корпуса. Значительную долю последнего составляют тексты художественной литературы, менее свободные от влияния предшествующей нормы. Известно, правда, что в современном языке опущение подлежащего наиболее свойственно неформальной разговорной речи [Zdogenko 2010: 127], в Газетном корпусе не представленной. Однако привлечение устного корпуса НКРЯ создало бы существенный контраст с художественными текстами, составляющими подкорпус XVIII–XIX вв., как раз по параметру формальности (спонтанности) текста (контраст более существенный, чем контраст художественных текстов с современной публицистикой).

Предпринятый анализ показал, что в языке М. Ю. Лермонтова и, шире, в языке XIX в. ограничений на опущение референтного подлежащего при финитном глаголе было *меньше*, чем в современном языке. Этот факт вписывается в общую хронологию исторического развития русского языка в терминах нулевой анафоры: от древнерусского языка, относимого к языкам, последовательно допускающим опущение подлежащего [Борковский, Кузнецов 2006/1963: 332; Зализняк 2004: 170 и др.], к современному со-

¹ Под нулевой анафорой (*zero anaphora*) часто понимается нулевое выражение референтного подлежащего 3-го лица. В настоящей работе этот термин употребляется шире: как нулевое выражение подлежащего любого из трех лиц. В последнем понимании более употребительным является, по-видимому, термин *pro-drop*, который мы не используем ввиду его значительной теоретической «нагруженности».

стоянию. Заметим, что в этом фрагменте грамматики не состоялось — для XIX в. ожидаемое — влияние на русский язык французского. Последний, как известно, относится к языкам, в которых подлежащее, как правило, должно быть выражено (см., например, [Roberts 2014]).

Фрагменты (1)–(4) из «Героя нашего времени» иллюстрируют опущение подлежащего, архаичное с точки зрения современной нормы (в квадратных скобках приведен предполагаемый «перевод» на современный язык)².

- (1) До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; *на меня не взглянула ни разу*. [→ *на меня она не взглянула...*];
- (2) Вулич вышел в другую комнату и сел у стола; все последовали за ним: он знаком пригласил нас сесть кругом. *Молча повиновались ему*: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. [→ *мы молча повиновались ему...*];
- (3) Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, *отчего же запретит тебе платить мне взаимностью?* [→ *отчего же он запретит...*];
- (4) ⟨...⟩ и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, *когда слушал ее из соседней комнаты*. [→ *когда я слушал...*].

Как демонстрируют приведенные фрагменты, среди контекстов, в которых опущение подлежащего в современном языке ограничено строже, чем в языке XIX в., можно выделить следующие:

- простое утвердительное предложение (1), (2);
- прямой частный вопрос (3);
- зависимая финитная клауза (4).

Рассмотрению этих контекстов посвящены разделы 2, 3 и 4 соответственно. В заключительном 5-м разделе предложена интерпретация изменений, произошедших в русском языке в сфере нулевой анафоры за последние два столетия, и предпринята попытка вписать эти изменения в общий типологический портрет языка, отвечающего ярлыку *partial null-subject language*.

Прокомментируем выбор параметров, по которым в разделах 2, 3 и 4 сопоставляются ограничения на опущение подлежащего в языке XIX в. и

² Известно, что допустимость опущения референтного подлежащего в современном языке во многом определяется дискурсивными факторами [Фужерон, Брейар 2009; Kibrik 2013: 236]. Соответственно, граница между приемлемым и неприемлемым опущением с позиций современной нормы может быть зыбкой и зависеть, в частности, от изменений внешнего контекста. В настоящей работе оценка примеров XVIII–XIX вв. как архаичных основывается на интуиции автора и 6 информантов. Архаичными полагаются те примеры, в которых *в заданном контексте* отсутствие выраженного подлежащего представляется менее естественным и нейтральным, чем его наличие.

сегодня. Этот выбор мотивирован, во-первых, тем, что уже известно об ограничениях на нулевую анафору в современном языке. Так, в литературе отмечалось, что современная норма ограничивает опущение подлежащего 3-го лица более строго, чем опущение подлежащего 1-го и 2-го лица (см., например, [Zdorenko 2010: 129; Madariaga 2018: 174]). Первое, в частности, требует наличия антецедента в предшествующем контексте, ср. приемлемость (5а) и сомнительность (5б) в качестве реплики, начинающей текст.

- (5) а. *Начинаем* заседание.
б. *Начинает* заседание.

При сравнении современной нормы с нормой XIX в. мы в первую очередь принимали во внимание контексты с 3-м лицом подлежащего, поскольку именно в них ожидается наибольший контраст двух норм. Это касается в особенности контекста простого утвердительного предложения, относительно которого противопоставление 1, 2 vs. 3-го лица отмечалось в литературе. В контекстах вопроса и зависимой клаузы, как будто менее исследованных с этой точки зрения и диахронически, и с позиций современного языка, контексты с разными лицами рассматривались более равномерно.

Во-вторых, выбор параметров сравнения продиктован самим корпусным материалом: теми устаревшими конструкциями с опущенным подлежащим, которые обнаружили в тексте романа М. Ю. Лермонтова, а затем и у других авторов XVIII–XIX вв. в составе НКРЯ³.

2. Простое утвердительное предложение

Вопрос о факторах, лицензирующих нулевое выражение референтного подлежащего в простом предложении в современном русском языке, изучен недостаточно, а утверждения, содержащиеся в литературе, иногда противоречивы. Тем не менее общая картина определена и сводится к тому, что нулевое подлежащее чаще всего кореферентно подлежащему в близком предтексте [Kibrik 2011: 422] и вместе они составляют «сквозную» тему данного фрагмента дискурса [McShane 2009: 123; Madariaga 2018: 174]. Ср. (знак «_» здесь и далее обозначает нулевое подлежащее):

---

³ Опора на корпусный материал при отборе параметров привела к тому, что набор проанализированных параметров оказался достаточно произвольным (так, одушевленность антецедента изучается лишь применительно к зависимым клаузам в разделе 4; топиальность — лишь применительно к независимым клаузам в разделе 2 и т. д.). Ввиду того, что целостная картина о природе и взаимодействии факторов, отвечающих за опущение подлежащего, пока не сформирована даже для современного русского языка, не говоря уже о языке XIX в., более системный способ работы кажется трудно осуществимым. Однако он мог бы стать следующим шагом на этом пути.

- (6) В Минске она_i уже подала документы на белорусский паспорт.
 __i Хочет пойти учиться («Комсомольская правда», 2014.07.28).

Наоборот, при совпадении антецедента с дополнением и ремой опущение кореферентного подлежащего в современном языке, как правило, проблематично. Так, трудно согласиться с Е. Цедрыком [Tsedryk 2013], оценивающим опущение подлежащего в (7) как приемлемое с точки зрения современной нормы:

- (7) Я только что встретил Лену_i. ?? __i Сказала, что их отдел скоро закроют.

В языке XIX в. ограничение на топикальность и субъектность антецедента было выражено слабее. Ср. предложения (8)—(11) (как кажется, не отвечающие современной норме), где антецедент соответствует дополнению и реме.

- (8) Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу_i, и __i убежит от вас. Приблизьтесь к Богу_i, и __i приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные. Смиритесь пред Господом_i, и __i вознесет вас (Послание Иакова: синодальный перевод (1816–1862));
- (9) Слушай: домов много. — Много, выбирай себе. — Ты выбирай, я постарше тебя. — Это откуда... я и сам счет потерял годам. — Не считай по годам, а мерь по бородам_i. — У меня __i обгорела в 12-м году (А. Ф. Вельтман. Не дом, а игрушечка (1850));
- (10) В эту минуту вынырнула неизвестно откуда прямо к нему под ноги запачканная и нечесаная девчонка в оборванном платке по самые пятки. — Кого вам надо? — запищала она. — Дворника_i, милая. — __i В лавочку ушел, — пискнула снова девочка (В. А. Соллогуб. Старушка (1850));
- (11) Знаю, что бесшабашный карьерист, без правил, только что выскочил, адмирал и влюбленный в себя... Любимец министра... А все-таки, думаю, товарищ... Стоит только доложить адмиралу_i, и __i меня вызовет... (К. М. Станюкович. Блестящее назначение (1890–1903)).

В (12а) антецедент также входит в рему, но при этом является подлежащим (см. [Янко 2001: 155] о коммуникативной структуре таких конструкций). С точки зрения современной нормы опущение подлежащего ощущается и в этом случае как архаичное. В (12б), где антецедент получает статус темы (а не только статус подлежащего), с позиций сегодняшней нормы нулевая анафора представляется более приемлемой⁴.

⁴ Уточнения требует вопрос об «удельном весе» каждого из двух факторов (топикальность и субъектность антецедента) при лицензировании нулевой анафоры в современном языке. Так, опущение подлежащего представляется сомнительным

- (12) а. В трех вёрстах от Елани находится [Талицкий казённый винный завод]_i. _j Имеет несколько заводских людей (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790));
 б. [Талицкий казённый винный завод]_i находится в трех вёрстах от Елани. _j Имеет несколько заводских людей.

Еще одним условием, лицензирующим опущение подлежащего в простом утвердительном предложении в современном языке, является локальность антецедента. В литературе встречаются в этой связи два представления о локальности. В [Madariaga 2018] речь идет о линейной локальности: антецедент нулевого подлежащего в обычном случае входит в непосредственно предшествующую клаузу. В [Кибрик и др. 2010; Kibrik 2011: 422] в качестве более релевантного параметра рассматривается «риторическое расстояние», определяемое в терминах теории риторической структуры [Mann, Thompson 1988] как количество узлов риторической сети, отделяющих опущенное подлежащее от антецедента.

Независимо от конкретного понимания локальности, в следующем фрагменте из «Героя нашего времени» условие локальности не соблюдено. Между клаузой, содержащей антецедент, и клаузой, содержащей нулевое подлежащее, располагается еще одна клауза, нарушающая условие локальности как в линейном, так и в риторическом смысле: три клаузы связаны отношением конъюнкции и образуют последовательно смежные узлы в иерархической структуре дискурса (о способах подсчета риторического расстояния см., например, [Kibrik, Krasavina 2005]). Ожидаемо поэтому и то, что в современном языке в (13а) требовалось бы выраженное подлежащее, и то, что опущение промежуточной клаузы, как в (13б), узаконивает опущение подлежащего с точки зрения современной нормы.

- (13) (=1) а. До самого дома она_i говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня _j не взглянула ни разу (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841));
 б. До самого дома она_i говорила и смеялась поминутно. На меня _j не взглянула ни разу.

Нулевое подлежащее представляется архаичным в (14а), где клаузу, его содержащую, отделяет от клаузы, содержащей антецедент, прямая речь. Очевидно, и здесь дело в расстоянии между нулевым подлежащим и антецедентом, поскольку при изменении порядка клауз (14б), как кажется, повышается приемлемость опущения. (Мы отвлекаемся от вопроса о том, о каком расстоянии, риторическом или линейном, уместно говорить в данном случае.)

в (i), где антецедент соответствует теме, но не соответствует подлежащему. При этом опущение приемлемо в (ii), где соотношение двух параметров как будто похожее.

- (i) [К Ивану]_i приехали поздно. ??_j Открыл дверь сразу;
 (ii) Ну что [с ней]_i делать! _j Всё теряет, ломает, не ценит абсолютно ничего! (Наши дети: Подростки (2004)).

- (14) а. Добросерди, не могли собою владеть, вскричал: — Вы, сударь, заклад ваш выиграли; я люблю Миловиду и льщусь, что и ею любим. — После того $\_i$ подошёл к отцу своему и просил его о позволении хотя самыми учтивыми, однакож и сильными выражениями и заключил тем, что он без Миловиды жить не может... (Н. И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь (1770));
- б. — Вы, сударь, заклад ваш выиграли; я люблю Миловиду и льщусь, что и ею любим, — не могли собою владеть, вскричал Добросерд. После того подошёл к отцу своему (...).

Аналогично в (15) некоторая неестественность опущения подлежащего представляется следствием того, что нулевое подлежащее отделяют от антецедента три клаузы.

- (15) — Вот видите ли, — продолжал Грушницкий, — мы_i и отправились, взявши с собой ружьё, заряжённое холостым патроном, только так, чтобы поугаать. До двух часов $\_i$ ждали в саду (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Анализ текстов XIX в. позволяет предположить, что в языке этого периода отсутствовало еще одно требование, ограничивающее нулевую анафору в современном языке: параллелизм (т. е. совпадение или близость) временных форм в клаузе, содержащей нулевое подлежащее, и в клаузе, содержащей антецедент. В (16а) и (17а) такой параллелизм отсутствует, и нулевое выражение подлежащего представляется неуместным с позиций современной нормы. При этом нулевая анафора кажется приемлемой в (16б) и (17б), где восстановлен параллелизм временных форм, а варианты с отсутствием параллелизма сближаются с современной нормой при условии, что подлежащее в них выражено, как в (16в) и (17в). Можно думать, что требование параллелизма временных форм — проявление более общей тенденции (характеризующей сегодня нулевую анафору) к морфосинтаксическому и иному параллелизму клауз. См. о еще одном проявлении этой тенденции в разделе 3; ср. также в [Kibrik 2011: 422] перекликающееся с ней предположение о том, что клауза, содержащая нулевое подлежащее, и клауза, содержащая антецедент, должны быть связаны симметричным риторическим отношением.

- (16) а. Мистик-философи, бывало, *наденет* на себя серую свитку, накроет голову соломенным брылем, флейту в руку и марш куда глаза глядят. (...) По дороге *зайдет* на древнюю высокую могилу, называемую Выбла, и *зайдет* на могилу единственно за вдохновением. И, почерпнувши из недр ее малую толику сего, богам единым свойственного дара, $\_i$ *спешил* делиться сею благодатию с другом своим Якимом Лукашевичем в Березани (Т. Г. Шевченко. Близнецы (1855));

- б. По дороге *зайдет* на древнюю высокую могилу, называемую Выбла, и *зайдет* на могилу единственно за вдохновением. И, почерпнувши из недр ее малую толику сего, богам единым свойственного дара, *я поспешил* поделиться сею благодатию с другом своим Якимом Лукашевичем в Березани;
- в. По дороге *зайдет* на могилу единственно за вдохновением. Почерпнувши из недр ее малую толику сего, богам единым свойственного дара, *он спешил* поделиться сею благодатию с другом своим Якимом Лукашевичем в Березани.
- (17) а. Она *была* очень весела, остроумна, передразнивала актрис, *подшучивала* над собой. Ко мне *относится* очень хорошо: некоторые ее слова просто трогают меня сердечностью и доверием (З. Н. Гиппиус. Победители (1898));
- б. Она *была* очень весела, остроумна, передразнивала актрис, *подшучивала* над собой. Ко мне *относилась* очень хорошо;
- в. Она *была* очень весела, остроумна, передразнивала актрис, *подшучивала* над собой. Ко мне *она относится* очень хорошо.

Таким образом, в русском языке XIX в. были ослаблены три ограничения на нулевую анафору в простом утвердительном предложении, определяющие современную норму: топиальность/субъектность антецедента, локальность антецедента и требование параллелизма временных форм.

3. Прямой частный вопрос

В прямом частном вопросе в современном языке подлежащее часто опускается при глаголе в форме 2-го лица (18), (19) или 1-го лица мн. ч. (20):

- (18) Вы приняли предложение гендиректора Михайловского театра Владимира Кехмана стать его заместителем. Когда приступите к работе? («Известия», 2013.10.30);
- (19) Но после всего случившегося тебе остается только ждать завершения следствия и решения суда... Чем занимаешься под домашним арестом? («Комсомольская правда», 2013.10.24);
- (20) Я хорошая! Когда пойдем в загс расписываться? — сказала Настя («Труд-7», 2008.08.14).

При глаголе в форме 3-го лица опущение подлежащего, наоборот, обычно затруднено, ср. (21) с (18) и (22) с (19):

- (21) Он принял предложение гендиректора Михайловского театра Владимира Кехмана стать его заместителем. ^{??}Когда приступит к работе?
- (22) Но после всего случившегося ему остается только ждать завершения следствия и решения суда... ^{??}Чем занимается под домашним арестом?

Исключение⁵ составляют контексты, в которых антецедент входит в состав предшествующего вопроса и также соответствует подлежащему. Так, подлежащее 3-го лица опущено в (23а) и (24а), где указанные условия соблюдены. Однако потребность в выраженном подлежащем заметно возрастает в (23б) и (24б), где антецедент-подлежащее входит в утверждение, и в (23в), (24в), где антецедент входит в предшествующий вопрос, но не соответствует подлежащему. (Для сравнения: ни одно из условий не выполнено в примере (19), с нулевой анафорой 2-го лица.) Требование, чтобы антецедент входил в вопрос, может считаться еще одним проявлением параллелизма между клаузой, содержащей антецедент, и клаузой, содержащей нулевое подлежащее (наряду с проявлениями параллелизма, отличающимися, как мы стремились показать в разделе 2, утвердительные конструкции с нулевым подлежащим).

- (23) а. Так почему же он несколько дней не выходил на связь? Как относится к тому, что его объявили в розыск? («Комсомольская правда», 2014.04.07);
 б. Он несколько дней почему-то не выходил на связь. ??Как относится к тому, что его объявили в розыск?
 в. Почему же я несколько дней не могу ему дозвониться? ??Как относится к тому, что его объявили в розыск?
- (24) а. — Когда «Локомотив» будет в норме? Когда сможет бороться за золотые медали? («Советский спорт», 2013.06.04);
 б. — «Локомотив» уже в норме. — ??А когда сможет бороться за золотые медали?
 в. — Когда вы приведете «Локомотив» в норму? ??Когда сможет бороться за золотые медали?

Заметим, что проблематичность опущения подлежащего при вхождении антецедента в утверждение отличает не только вопросительные конструкции. Похожему ограничению подчиняются, по-видимому, восклицательные конструкции: опущению подлежащего 3-го лица в составе восклицания способствует вхождение антецедента в предшествующий восклицательный. Так, пример (25а) представляется более приемлемым, чем (25б).

- (25) а. Как он_i использует всю палитру баскетбольных красок! Как _i общается с игроками! («Советский спорт», 2010.11.10);
 б. Он_i мастерски использует всю палитру баскетбольных красок. ??Как _i общается с игроками!

Вместе с тем утвердительные конструкции без модальности восклицательного — в том числе такие, которые, подобно вопросу, характеризуются

⁵ Запрос для поиска в Газетном корпусе НКРЯ: «-кто» «-что» (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) г:rel first на расстоянии 1 от -удаваться -стоять -мочь V,indic,3p,sg -amarк на расстоянии 1 от -nom -amarк на расстоянии 1 от -nom -amarк на расстоянии от 1 до 10 от bques.

выносом элемента на левую периферию клаузы, — не предъявляют к антецеденту каких-то специфических требований. Так, опущению подлежащего не препятствует топиализация прямого (26) и косвенного дополнения (27). Этот вывод прямо противоречит синтаксическому обобщению в [Tsedryk 2013], согласно которому вынос любой составляющей в начало клаузы блокирует нулевую анафору в современном русском языке. Соответственно, предпочтительным кажется не синтаксическое, а семантико-прагматическое объяснение запрета на опущение подлежащего в вопросе (и экскламативе) при вхождении антецедента в утверждение: отсутствие «иллюктивного параллелизма», наличествующего при вхождении и антецедента в вопрос (или экскламатив).

- (26) Постоянно, когда оказываемся вместе, она_i клянчит карточку экспресс-оплаты мобильной связи чтоб я купил. И смотрит такими глазами, как наркоман, которому нужна доза. Уроки _i делает две минуты, пять минут — жмёт кнопки на мобилке (Наши дети: Подростки (2004));
- (27) Она_i учится в университете Жилины и, в отличие от меня, бросать занятия не собирается. Ко мне _i приезжает погостить на месяц, на два («Советский спорт», 2012.04.23).

Вопросы с 1-м лицом ед. ч. глагола в современном языке иногда также допускают опущение подлежащего (28), (29)⁶. Однако такие вопросы, как правило, имитируют (подразумевавшийся) вопрос к говорящему со стороны адресата и в этом смысле сближаются с вопросами, содержащими форму 2-го лица. На это указывает то, что, задавая вопрос подобного рода, говорящий обычно сразу же отвечает на него — как он ответил бы на прямой вопрос адресата⁷.

⁶ Запрос для поиска в Газетном корпусе НКРЯ: (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:rel first на расстоянии 1 от V,indic,1p,sg -amark на расстоянии 1 от -nom -amark на расстоянии 1 от -nom -amark на расстоянии от 1 до 10 от bques.

⁷ Перечисленные исключения для вопросов с 3-м и 1-м лицом ед. ч. относятся к наиболее частотным по материалам Газетного корпуса, но не являются единственно возможными. В вопросе с 3-м лицом встречается, хотя и редко, исключение того же типа, который преобладает в вопросе с 1-м лицом, ср. (i), где вопрос с 3-м лицом имитирует вопрос говорящего «сыну» (*Почему звонишь с чужого телефона?*), сближаясь в этом смысле с вопросом 2-го лица.

- (i) «Сын» говорит, что его либо «взяли в заложники», либо он попал в автомобильную аварию, либо еще что-нибудь в этом роде. Почему звонит с чужого телефона? Мой, мол, сломался или потерял, или только что отобрали («Труд-7», 2004.01.15).

В вопросе с 1-м лицом ед. ч. опущению подлежащего может способствовать (как и в вопросе с 3-м лицом) наличие предшествующего вопроса, содержащего антецедент в роли подлежащего, ср. (ii):

- (28) Сегодня, к сожалению, не выйду на паркет. Получил травму, надрыв мышцы,—рассказывает он. — Когда вернусь в игру? Этого сказать не могу («Советский спорт», 2011.06.01);
- (29) Терпеть не могу экскурсионный отдых! Где буду встречать Новый год? Где Бог даст! («Труд-7», 2008.11.25).

Отмеченный контраст между 1/2 и 3-м лицом типологически совсем не уникален (см. о финском языке в [Roberts, Holmberg 2010: 11]) и обычно объясняется дейктической природой форм 1-го и 2-го лица, обеспечивающей идентифицируемость (*recoverability*) референта. Разное поведение форм 1-го лица в зависимости от числа указывает, как кажется, на то, что уместность нулевой анафоры в современном русском языке сопряжена также с «прототипичностью» референта. Ситуация, при которой адресату задается вопрос о нем самом (как при вопросе с 1-м и 2-м лицом мн. ч.), может считаться более прототипической, чем ситуация, при которой вопрос касается 3-го лица или говорящего (как при вопросе с 1-м лицом ед. ч.). Прототипичность референта — еще один фактор, способствующий его идентифицируемости. С этим, можно думать, связано указанное распределение форм при опущении подлежащего в вопросе.

В языке XIX в. оба ограничения (на опущение подлежащих 3-го и 1-го лица ед. ч.) не действовали или соблюдались менее строго. Ср. (30) и (31), с нулевым подлежащим 3-го лица, и (32) и (33), с нулевым подлежащим 1-го лица ед. ч. Обратим внимание, что в обоих случаях отсутствуют условия, лицензирующие, вопреки общей тенденции, опущение подлежащего в современном языке. Так, в (30) и (31) антецедент не входит в вопрос. В (32) и (33) говорящий не имитирует вопрос к нему адресата, а сам обращается к адресату. Закономерно поэтому, что все четыре примера производят впечатление архаичных.

- (30) — Вот уж года три, — отвечал Евсей, — Александр Федорыч стали больно скучать и пищи мало принимали; вдруг стали худеть,

-
- (ii) Как я могу уволить тренера?! Как могу отказаться играть за Будро, который столько мне дал? («Советский спорт», 2011.12.02).

Подлежащее 1-го лица ед. ч. может опускаться в составе устойчивых конструкций типа (iii).

- (iii) Чем могу быть полезен? («Труд-7», 2008.08.19).

Способствовать опущению подлежащего 1-го лица ед. ч. может также, по-видимому, лексический и/или семантический повтор глагола, как в (iv). Заметим, что и в (ii) фактор повтора, скорее всего, играет роль.

- (iv) — В своем последнем матче группового этапа сборная Россия забросила восемь шайб. Сколько забьет с вами — больше или меньше? («Советский спорт», 2013.05.15).

Подчеркнем, что примеры таких исключений в Газетном корпусе единичны, в отличие от приведенных выше более частотных типов исключений.

- худеть, таяли словно свечка. — Отчего же скучал-то? — Бог их ведает, сударыня (И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847));
- (31) Иван Алексеевич на улице выбранил себя энергически. И поделом ему! Зачем идет в трактир с первым попавшимся проходимцем? (П. Д. Боборыкин. Китай-город (1882));
- (32) Перед самым отъездом явились мужи новгородские и просили себе князя. — Кого пошлю вам? — спросил Святослав. — Дай нам Володимера, — отвечали Новгородцы по научению Добрыни (А. Ф. Вельтман. Райна, королева болгарская (1843));
- (33) — Ох, уж право не знаю, что и делать мне, — колебалась головщица. — И сарафан-от вишь светлый какой, голубой... Где надену его, куда в таком покажусь?.. (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)).

Заметим, что требование «иллокутивного параллелизма» отсутствовало в языке XVIII–XIX вв. и применительно к экскламативам. Фрагмент (34) из «Героя нашего времени», где нулевое подлежащее 3-го лица, но не антецедент входит в состав экскламатива, ощущается как архаичный с позиций сегодняшней нормы.

- (34) Вот двери отворились, и вошла она, Боже! как $\_i$ переменялась с тех пор, как я не видал её, — а давно ли? (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Таким образом, в языке XIX в. допустимость опущения подлежащего в составе вопроса в меньшей степени ограничивалась лицом и числом этого подлежащего, чем сегодня.

4. Зависимая финитная клауза

При опущении подлежащего в зависимой финитной клаузе антецедент в современном языке обычно совпадает с подлежащим вышестоящей клаузы (35) [McShane 2009: 120; Madariaga 2018: 175]. Именная группа в составе этой клаузы, не занимающая позицию подлежащего, в качестве антецедента, как правило, недопустима (36)⁸:

⁸ В (35) и (36) нулевое подлежащее входит в сентенциальный актанта, однако опущение подлежащего при антецеденте — главным подлежащем характерно также для сентенциальных обстоятельств (i) и относительных клауз (ii):

- (i) Она_i уже давно не снималась, поскольку $\_i$ выиграла на бирже большие деньги и завершила свою актёрскую карьеру (С. Спивакова. Не всё (2002));
- (ii) Оля_i тем временем собирается выйти замуж за Колю, которого $\_i$ ждала из армии (коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008—2011)).

- (35) Дарья_i сказала, что $\_i$ оплатит («Известия», 2014.01.13);
 (36) Она_i не могла закричать и дать понять Писториусу_j, что $\_i/*_j$ находится за закрытой дверью («РБК Дейли», 2014.04.15).

Регулярное исключение составляют директивные матричные предикаты, присоединяющие придаточное с союзом *чтобы*: при них антецедентом нулевого подлежащего обычно выступает дополнение в составе главной клаузы [Shushurin 2018], а подлежащее, наоборот, в роли антецедента затруднено. Ср. контраст в (37), где синтаксическая роль антецедента зависит от значения глагола *говорить*: директивное *говорить* в (37а) предопределяет кореферентность нулевого подлежащего с дополнением, *говорить* в значении глагола речи (37б) требует в качестве антецедента главное подлежащее.

- (37) а. $\_i$ Говорю ему_j, чтобы $\_i/*_j$ вызвал сюда командира дивизиона («Солдат удачи», 2004.02.11);
 б. Водитель_i говорит диспетчеру_j, что $\_i/*_j$ привез клиента по определенному адресу («Известия», 2013.09.17).

Отметим также, что антецедент нулевого подлежащего, входящего в состав сложноподчиненного предложения, может находиться и за пределами этого предложения, т. е. принадлежать предшествующему контексту, как в (38)⁹. В таком случае допустимость опущения подлежащего регулируется, по-видимому, теми же или близкими условиями, что и опущение подлежащего в простом предложении (см. раздел 2): антецедент соответствует теме и подлежащему в непосредственном предтексте.

- (38) И подначивал Устинова: «Твой-то проигрывают! Сколько денег на команду выделяешь, а они_i...» Устинов_j отшучивался, говорил, что $\_i$ исправятся («Комсомольская правда», 2013.10.31).

В языке XVIII–XIX вв. условия, лицензирующие опущение подлежащего в составе зависимой финитной клаузы, были более свободными, чем сегодня. Об этом свидетельствуют различия в частотности для ряда конструкций с нулевым подлежащим в текстах XVIII–XIX вв. и в современных текстах.

Во-первых, в языке XVIII–XIX вв. более свободно опускалось подлежащее в финитной подчиненной клаузе при антецеденте — экспериментальной именной группе в дательном падеже (39); последняя, не являясь каноническим подлежащим, сближается с подлежащим функционально [Тестелец 2001: 342]. Подчиненная клауза в этом случае, как правило,

Условия, лицензирующие опущение подлежащего в разных типах зависимых клауз, по-видимому, несколько различаются [Shushurin 2018], однако вопрос остается недостаточно исследованным.

⁹ Этим наблюдением, опровергающим вывод в [Tsedryk 2013], мы обязаны Я. Г. Тестельцу (личное сообщение).

представляет собой сентенциальный актанта (об актантах свойствах клаузы с союзом *когда* типа (39) см., например, [Сердобольская 2011]).

- (39) Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и всё грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне_i становилось грустно, когда __i слушал её из соседней комнаты (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Данные о сопоставительной частотности таких конструкций в подкорпусе XVIII–XIX вв. и в Газетном корпусе НКРЯ представлены в Таблице 1. Частотное преобладание (в измерении *ipm*, *item per million*) конструкций с антецедентом-экспериенцером в текстах XVIII–XIX вв. невелико, однако важно, что в выборке примеров из Газетного корпуса лишь один содержит антецедент 3-го лица (против пяти примеров в подкорпусе XVIII–XIX вв.), а в остальных антецедент относится к 1-му лицу. В самом деле, примеры с антецедентом 1-го лица ощущаются как более естественные с точки зрения современной нормы, чем примеры с антецедентом 3-го лица, ср. (40а) и (40б)¹⁰:

- (40) а. Почему-то мне казалось, что встречу его здесь... («Комсомольская правда», 2013.01.28);
б. ?Почему-то ей казалось, что встретит его здесь.

Более того, единственный пример из Газетного корпуса с 3-м лицом антецедента допускает и такую интерпретацию, при которой антецедентом выступает не экспериенцер в дательном падеже, а именная группа, относящаяся к предшествующему контексту, — она входит в предыдущее предложение в качестве подлежащего:

- (41) За тем, как здание проверяют, «террорист»_i наблюдал со стороны. Видимо, ему_i понравилось, что __i сумел создать суматоху («Комсомольская правда», 2008.09.17).

Между тем в подкорпусе XVIII–XIX вв. некоторые из примеров с 3-м лицом антецедента аналогичной интерпретации не допускают, поскольку потенциальный антецедент из предшествующего контекста отделен от предложения с нулевым подлежащим несколькими клаузами (о расстоянии

¹⁰ Это различие как будто не касается предложений с прошедшим временем вложенного глагола: опущение подлежащего в таких предложениях, на первый взгляд, одинаково затруднено независимо от лица антецедента-экспериенцера. Так, пример (i) представляется шероховатым с позиций современной нормы при антецеденте и 3-го, и 1-го лица. Это предположение, если оно верно, отвечает представлению о том, что в современном русском языке подлежащее опускается в настоящем времени более свободно, чем в прошедшем [Sidorova 2014: 387].

(i) ?Почему-то мне/ей_i казалось, что __i видела его раньше.

Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

до antecedenta как о факторе, влияющем на приемлемость нулевой анафоры, см. раздел 2). Ср. (42) и (43):

- (42) Но [неимеющий надеяния на справедливость свою]_i смущается мыслею, унывает духом, очи его мраком наполняются, его страшат сновидения, ему_i мечтается, что _j видит над противною стороною различныя знаменія покровительства небеснаго (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла (1770));
- (43) Белозубов_i, радея о выгодах своего милостивца, не пренебрегал собственными. Давно _j метил на союз с будущей владычицей Евсеевского, но _j мыслил: «Окрестные помещики — или старики, для которых прошла пора женитьбы, или люди ничтожные, кои не посмеют простереть видов на дочь Луки Матвеевича, высокого рождения, владельца трехсот дворов. Варенька же еще ребенок, цветок не распустившийся и добыча верная в глуши, где нет опасных соперников. Будет-де еще время объявить свое притязание». Можно посудить, каково ему_i было, когда _j узнал о помолвке Вареньки за Горбунова (А. О. Корнилович. Андрей Безыменный (Старинная повесть) (1832)).

Таблица 1

Частотность конструкции с antecedentом-экспериментером в дативе в Газетном корпусе и подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ¹¹

	N	ipm
Газетный корпус, объем 228 521 421 слово	28 (с 3-м лицом — 1 пример)	0,122
Подкорпус 1700–1900 гг., объем 60 010 888 слов	13 (с 3-м лицом — 5 примеров)	0,217

Второй тип подчиненной конструкции с нулевым подлежащим, менее частотный в современном языке, чем в языке XVIII–XIX вв., представляет собой частный косвенный вопрос при antecedente-дополнении — выраженном (44) или подразумеваемом (45).

- (44) Благочестивые люди — продолжал он с холодною покорностью судьбе, но не без иронии — заботливо осведомлялись у меня_i,

¹¹ Запрос: dat & (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:pers r:pers на расстоянии 1 от (V | PRAEDIC),indic -amark на расстоянии 1 от «что» | когда acoma на расстоянии 1 от V,indic,sg -amark на расстоянии 1 от -nom. Из-за большого объема шума в результатах поисковой выдачи в запрос были включены только конструкции с личным местоимением в роли экспериментера и единственным числом вложенного глагола.

где $_i$ желаю быть похороненным? (П. И. Огородников. Очерки Персии (1874));

- (45) Капитан судна вошел к государю_i в каюту и спрашивал, куда $_i$ прикажет держать путь (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие (1862–1875)).

Как демонстрируют данные в Таблице 2, при матричных глаголах *спросить*, *спрашивать*, *расспрашивать* и *выспрашивать* примеров такого типа в подкорпусе XVIII–XIX вв. в два раза больше (в измерении *ipm*), чем в Газетном корпусе. Заметим, что в выборке XVIII–XIX вв. встретились примеры, в которых нет оснований усматривать действие факторов, потенциально способных повысить приемлемость нулевой анафоры. К такому мы относим: близость косвенного вопроса к прямому вопросу с подлежащим 2-го лица, как в (46), поскольку для последнего в современном языке характерно опущение подлежащего (см. раздел 3); наличие в непосредственном предтексте именной группы в статусе подлежащего и/или темы, кореферентной нулевому подлежащему и поэтому претендующей на роль потенциального антецедента, как в (47) (см. раздел 2 о факторах субъектности и топиальности); 1 лицо нулевого подлежащего, как в (48).

- (46) Даже если я выйду на улицу и буду раздавать по тысяче рублей каждому проходящему, найдутся недовольные, которые спросят, почему $_i$ раздаешь не по две («Известия», 2013.08.06);
- (47) Он_i и грузчик, и уборщик, и сторож. За работу $_i$ ни копейки не получает. И $_i$ обижается, когда его_i спрашивают, почему $_i$ вкалывает даром («Комсомольская правда», 2005.09.22);
- (48) Харламов стал придирается, спросив, почему $_i$ лезу вперед («Комсомольская правда», 2011.03.01).

В Газетном корпусе не встретилось примеров, в которых не был бы представлен хотя бы один из перечисленных факторов. Напротив, в подкорпусе XVIII–XIX вв. такие примеры наличествуют и производят впечатление архаичных. Ср. (45) и (49), где нулевое подлежащее относится к 3-му лицу, а кореферентная именная группа в предшествующем контексте не является ни подлежащим, ни темой.

- (49) Когда полк присягнул, его высочество приказал мне взять взвод гренадер, отнести знамена во дворец, отыскать там наследника, донести ему_i, что Измайловский полк принял присягу, спросить, куда $_i$ прикажет поставить знамена, и в 5 часов поутру быть у него. (Е. Ф. Комаровский. Записки (1830–1835)).

Отметим, не вдаваясь в подробности, что с косвенным общим вопросом при том же наборе матричных глаголов ситуация похожая: только в подкорпусе XVIII–XIX вв. нашлся пример с опущенным подлежащим 3-го лица

Таблица 2

**Частотность конструкции с антецедентом-дополнением при глаголах
спросить/спрашивать/расспрашивать/выспрашивать
в Газетном корпусе и подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ¹²**

	N	ipm
Газетный корпус, объем 228 521 421 слово	25	0,109
Подкорпус 1700–1900 гг., объем 60 010 888 слов	13	0,217

при антецеденте-дополнении, не содержащий в непосредственном предтексте кореферентной именной группы в позиции подлежащего и/или темы. Ср. (50):

- (50) Мстислав возвращается домой; печален, озабочен, угрюм. Сцена, где видна его любовь к сестре; он ее; спрашивает, _i любит ли его одного; она смущается. (М. Ю. Лермонтов. Планы, наброски, сюжеты (1830–1841)).

Третий тип конструкций с нулевым подлежащим в подчиненной клаузе, демонстрирующий более низкую частотность в современных текстах, чем в текстах XVIII–XIX вв., — это конструкции с неодушевленным абстрактным антецедентом. Ср. (51), где антецедентом нулевого подлежащего выступает местоимение *она*, отсылающее к неодушевленному существительному с абстрактным значением *причина*.

- (51) Теперь я должна тебе объяснить причину; моего поспешного отъезда; она; тебе покажется маловажна, потому что _i касается до одной меня. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

К конструкциям указанного типа можно отнести конструкцию с нулевой анафорой при антецеденте-подлежащем, выраженном местоимением *это*: последнее в таком контексте обычно отсылает к пропозициональному смыслу, семантически сближаясь с неодушевленным и абстрактным существительным. Ср. примеры (52)–(54), которые, как и (51), не вполне отвечают современной норме. Данные в Таблице 3 демонстрируют на материале сложных предложений с союзом *потому что*, что такая конструкция в современных текстах действительно заметно менее частотна, чем в текстах XVIII–XIX вв.

¹² Запрос: спросить | спрашивать | расспрашивать | выспрашивать на расстоянии 2 от «кто» -«что» (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:rel r:rel acoma на расстоянии 1 от V,indic,sg -amark на расстоянии 1 от -nom.

- (52) — Так и это_i нехорошо! — как бы раздумывая сама с собой, промолвила Евгения Константиновна. — Да, _i нехорошо, потому что _i вытекает из заблуждения, что народ все примет, за все спасибо скажет, точно как нищему можно дать все — и копейку, и сухарь, и старую калошу... (И. Н. Потапенко. Не герой (1891));
- (53) А если знать, то нельзя не видеть, что это_i очень дурно, потому что _i заставляет страдать и мать, и ее, и Сережу, и Леву, и меня, и заставляет скрывать. (Л. Н. Толстой. Письма (1894));
- (54) [Все это]_i было очень важно, потому что _i служило ручательством его компетентности в технических вопросах и расчищало дорогу проекту (М. В. Барро. Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность (1895)).

Таблица 3

**Частотность конструкции *Это_i V, потому что _i V*
в Газетном корпусе и подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ¹³**

	N	ipm
Газетный корпус, объем 228 521 421 слово	4	0,018
Подкорпус 1700–1900 гг., объем 60 010 888 слов	10	0,167

Неодушевленность antecedента неоднократно отмечалась в числе факторов, способных играть роль при выборе референциального средства (см., в частности, [Kibrik 2011: 406]. Заметим, однако, что неодушевленные antecedенты, не обладающие свойством абстрактности, по-видимому, употребляются в обсуждаемой конструкции в современном языке без существенных ограничений. Ср. пример (55), не производящий впечатления архаичного. Особое положение абстрактных antecedентов отвечает их низкой позиции в иерархии одушевленности (см., например, [Sasse 1993: 659]), позволяющей трактовать такие antecedенты как «наиболее неодушевленные».

- (55) [Этот план]_i их устроил, потому что _i помог избежать поражения в конгрессе («Комсомольская правда», 2013.09.16).

Итак, в языке XVIII–XIX вв. нулевое подлежащее в зависимой клаузе употреблялось более свободно, чем сегодня, по меньшей мере в трех контекстах: при antecedенте-неканоническом подлежащем (экспериментере в дательном падеже); в косвенном вопросе при antecedенте-дополнении; при неодушевленном абстрактном antecedенте.

¹³ Запрос: "это" на расстоянии от 1 до 2 от (V | PRAEDIC),indic,sg -amark на расстоянии от 1 до 5 от потому асотта на расстоянии 1 от "что" на расстоянии 1 от V,indic,sg -amark на расстоянии 1 от -nom.

5. О последнем этапе эволюции нулевой анафоры в русском языке (вместо заключения)

Представление о том, как эволюционировал феномен нулевой анафоры в истории русского языка, в литературе более или менее устоялось и сводится к следующему. В древнерусском языке использование нулевого подлежащего было обязательно за исключением контрастивных (и некоторых других) контекстов [Борковский, Кузнецов 2006/1963: 332; Зализняк 2004: 170 и др.], что отвечает понятию *full null-subject language* в классификации [Roberts, Holmberg 2010]. Современная референциальная система, отвечающая представлению о *partial null-subject language*, оформилась к первой половине XVII в., по данным [Зализняк 2008: 255], или к началу XVIII в., согласно [Meyer 2009: 394], и с тех пор практически не менялась.

Предпринятый анализ позволил, однако, предположить, что в XIX в. с точки зрения нулевой анафоры в русском языке продолжался *переходный период*: с одной стороны, нулевое подлежащее в неконтрастивных контекстах уже не было обязательным, с другой — условия, лицензирующие опущение подлежащего, не приняли еще современного вида и были шире, чем сегодня.

Содержание, которое получила дальнейшая эволюция нулевой анафоры в русском языке, представляется закономерным и может быть обобщено как *грамматикализация* паттерна, обозначаемого ярлыком *partial null-subject language*. Об этом свидетельствует тот факт, что условия, в которых подлежащее может опускаться, не просто сузились по сравнению с языком XIX в., но приобрели более регулярный и более синтаксический характер. Сдвиги в сторону большей регулярности коснулись:

- коммуникативного статуса антецедента (см. о возросшей роли топикальности антецедента в разделе 2);
- синтаксического статуса антецедента (см. о тенденции к совпадению антецедента с каноническим подлежащим разделы 2 и 4);
- требования о расстоянии между антецедентом и нулевым подлежащим (см. раздел 2);
- требования о семантико-синтаксическом параллелизме между клаузой, содержащей антецедент, и клаузой, содержащей нулевое подлежащее (см. разделы 2 и 3).

Тем самым сравнение условий, лицензирующих нулевое подлежащее, в языке XIX в. и сегодня дает возможность увидеть *становление* системы *partial null-subject language*: тех ее параметров, которые изменили свое значение при переходе от языка XIX в. к современной норме. (На то, что эти параметры принадлежат «портрету» языка со статусом *partial null-subject language*, указывает сам факт изменения их значений.) Отметим, что такое, микродиакроническое, сравнение основывается на мелких сдвигах и поэтому предоставляет больше возможностей для выявления разного рода частных параметров, чем сравнение начального и конечного этапов

эволюции (например, современной нормы и древнерусской). Так, вывод о том, что в современном языке возрос вес каноничности антецедента-подлежащего как фактора, лицензирующего нулевую анафору в зависимой клаузе (см. раздел 4), имеет смысл именно при сравнении с нормой XIX в. При сравнении с древнерусской нормой, где во многих случаях отсутствие выраженного подлежащего было обязательным независимо от синтаксического статуса антецедента, фактор каноничности теряется среди других факторов.

Если посмотреть на выявленные отличия нормы XIX в. от современной нормы под этим углом зрения, оказывается, что среди них есть как известные параметры, ранее отмечавшиеся в перечне свойств *partial null-subject languages*, так и некоторые новые.

К первым относятся следующие параметры (все с той или иной степенью подробности обсуждаются в работе [Holmberg et al. 2010], посвященной сопоставлению трех *partial null-subject languages*: финского, бразильского португальского и маратхи):

- противопоставление 1, 2 и 3-го лица нулевого подлежащего;
- обязательность статуса подлежащего у антецедента; в т. ч. доступность антецедента-дополнения при опущении подлежащего в зависимой клаузе;
- расстояние до антецедента.

Заметим, что по каждому параметру наблюдается межъязыковое варьирование. Так, по данным [Ibid.: 143], опущение нулевого подлежащего в составе сентенциального актанта при директивном глаголе и антецеденте-дополнении допустимо в финском и бразильском португальском (равно как и в русском, см. раздел 4), но запрещено в маратхи.

К новым параметрам (т. е. таким, которые обнаружили при сравнении современного русского языка с нормой XIX в. и не привлекались, насколько нам известно, при рассмотрении других языков со статусом *partial null-subject languages*) относятся:

- противопоставление 1-го лица ед. и мн. ч. в вопросе (см. раздел 3);
- особый статус абстрактных антецедентов при опущении подлежащего в зависимой клаузе (см. раздел 4);
- обязательность семантико-синтаксического параллелизма, ср. в особенности требование иллокутивного параллелизма при опущении подлежащего в вопросительной конструкции (раздел 3).

Вопрос о типологической релевантности этих параметров требует отдельного изучения.

Л и т е р а т у р а

Борковский, Кузнецов 2006/1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006 (1-е изд.: М., 1963).

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Кибрик и др. 2010 — А. А. Кибрик, Г. В. Добров, Д. А. Залманов, А. С. Линник, Н. В. Лукашевич. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог» / Под ред. А. Е. Кибрика и др. М., 2010. С. 173–180.

Рахилина и др. 2016 — Е. В. Рахилина, М. А. Бородина, Т. И. Резникова. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. 10. С. 242–255.

Сердобольская 2011 — Н. В. Сердобольская. К типологии выражения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3. СПб., 2011. С. 431–438.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Фужерон, Брейар 2004 — И. И. Фужерон, Ж. Брейар. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2004. С. 147–166.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Holmberg, Sheehan 2010 — A. Holmberg, M. Sheehan. Control into finite clauses in partial null-subject languages // Parametric variation: null subjects in minimalist theory / T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts and M. Sheehan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 125–152.

Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Kibrik 2013 — A. A. Kibrik. Peculiarities and origins of the Russian referential system // Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska / D. Bakker, M. Haspelmath (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. P. 227–263.

Kibrik, Krasavina 2005 — A. A. Kibrik, O. N. Krasavina. A corpus study of referential choice: The role of rhetorical structure // Диалог. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005 / Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2005. С. 561–569.

Madariaga 2018 — N. Madariaga. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian // Null Subjects in Generative Grammar / F. Cognola, J. Casalicchio (eds.). Oxford University Press, 2018.

Mann, Thompson 1988 — W. C. Mann, S. A. Thompson. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organisation // Text. 8(3). 1988. P. 243–281.

McShane 2009 — M. McShane. Subject ellipsis in Russian and Polish // Studia Linguistica. 63 (1). P. 98–132.

Meyer 2009 — R. Meyer. Zur Geschichte des referentialen Nullsubjekts im Russischen // Zeitschrift für Slawistik. 54. 2009. S. 375–397.

Roberts, Holmberg 2010 — I. Roberts, A. Holmberg. Introduction: parameters in minimalist theory // Parametric variation: null subjects in minimalist theory / T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts and M. Sheehan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–57.

Roberts 2014 — I. Roberts. Taraldsen's Generalization and Language Change: Two Ways to Lose Null Subjects // *Functional Structure from Top to Toe: The Cartography of Syntactic Structures* / P. Svenonius (ed.). 9. Oxford: Oxford University Press. P. 115–148.

Sasse 1993 — H.-J. Sasse. Syntactic categories and subcategories // *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, T. Vennemann (eds.). Berlin. P. 646–686.

Shushurin 2018 — P. Shushurin. Null pronouns in Russian embedded clauses // *Pronouns in embedded contexts at the syntax-semantics interface* / P. Patel-Grosz, P. G. Grosz, S. Zobel (eds.). [Series: *Studies in Linguistics and Philosophy*. Vol. 99]. Dordrecht: Springer International Publishing. 2018. P. 145–169.

Sidorova 2014 — E. Sidorova. On the evolution of Russian subject reference // *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia* / P. Suihkonen, L. J. Whaley (eds.). [Studies in Language Companion Series 164]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 379–400.

Tsedryk 2013 — E. Tsedryk. Internal Merge of nominative subjects and pro-drop in Russian // *Proceedings of the 2013 Canadian Linguistics Association conference* / Shan Luo (ed.). University of Victoria. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cla-cl/actes2013/actes2013.html>.

Zdorenko 2010 — T. Zdorenko. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus // S. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus-linguistic applications. Current studies, new directions*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2010. P. 119–133.

Статья получена 03.12.2019

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
opekelis@gmail.com

ZERO ANAPHORA IN RUSSIAN: A MICRODIACHRONIC ANALYSIS

The paper presents an analysis of the conditions that restrict the use of null referential subjects within a finite clause (the so-called “zero” anaphora) in the Russian language of the 19th century and in present-day Russian. Contrary to a widespread assumption, these conditions are not the same: they were looser in the 19th century than they are today. Basing our investigation on data extracted from the Russian National Corpus, this fact is demonstrated for null subjects in different syntactic contexts (declarative root clauses, questions, embedded clauses). We propose to regard the evolution which zero anaphora in Russian underwent over the last two centuries as grammaticalization of the pattern known in typology under the term “partial null-subject language”. Consequently, the newly acquired traits of zero anaphora in present-day Russian may contribute to the general picture of a partial null-subject language.

Keywords: null subject, anaphora, 19th-century Russian, corpus studies, questions, embedded clauses, grammaticalization

References

- Borkovsky, V. I., & Kuznetsov, P. S. (2006). *Istoricheskaja grammatika russkogo yazyka*. Moscow: KomKniga.
- Fuzheron, I. I., & Breyar, Zh. (2004). Mestoimenie «ia» i postroenie diskursivnykh sviazei v sovremennom russkom yazyke. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Verbal'naiia i neverbal'naiia opory prostranstva mezhfrazovykh sviazei* (pp. 147–166). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Holmberg, A., & Sheehan, M. (2010). Control Into Finite Clauses in Partial Null-Subject Languages. In T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts, & M. Sheehan (Eds.), *Parametric Variation: Null Subjects in Minimalist Theory* (pp. 125–152). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, A. A. (2011). *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Kibrik, A. A. (2013). Peculiarities and Origins of the Russian Referential System. In D. Bakker, & M. Haspelmath (Eds.), *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* (pp. 227–263). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kibrik, A. A., & Krasavina, O. N. (2005). A Corpus Study of Referential Choice: The Role of Rhetorical Structure. In I. M. Kobozeva, A. S. Nariniani, & V. P. Selegei (Eds.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2005»* (pp. 561–569). Moscow: Nauka.
- Kibrik, A. A., Dobrov, G. V., Zalmanov, D. A., Linnik, A. S., & Lukashevich, N. V. (2010). Referentsial'nyi vybor kak mnogofaktornyi veroyatnostnyi protsess. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (pp. 173–180). Moscow: Nauka.
- Madariaga, N. (2018). Diachronic Change and the Nature of Pronominal Null Subjects: the Case of Russian. In F. Cognola, J. Casalicchio (Eds.), *Null Subjects in Generative Grammar* (pp. 1–38). Oxford University Press.
- Mann, W. C., & Thompson, S. A. (1988). Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. *Text*, 8(3), 243–281.
- McShane, M. (2009). Subject Ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*, 63(1), 98–132.
- Meyer, R. (2009). Zur Geschichte des referentialen Nullsubjekts im Russischen. *Zeitschrift für Slawistik*, 54, 375–397.
- Rakhilina, E. V., Borodina, M. A., & Reznikova, T. I. (2016). «Taman' segodnia»: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX veka. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii»* (pp. 242–255). Moscow: IRIa RAN.
- Roberts, I. (2014). Taraldsen's Generalization and Language Change: Two Ways to Lose Null Subjects. In P. Svenonius (Ed.), *Functional Structure from Top to Toe: The Cartography of Syntactic Structures* (pp. 115–148). Oxford: Oxford University Press.
- Roberts, I., & Holmberg, A. (2010). Introduction: Parameters in Minimalist Theory. In T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts, & M. Sheehan (Eds.), *Parametric Variation: Null Subjects in Minimalist Theory* (pp. 1–57). Cambridge: Cambridge University Press.
- Sasse, H.-J. (1993). Syntactic Categories and Subcategories. In J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, & T. Vennemann (Eds.), *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* (pp. 646–686). Berlin: De Gruyter.

- Serdobolskaya, N. V. (2011). K tipologii vyrazheniia genericheskogo sobytiia v konstruktsiiax s sententsial'nymi aktantami. *Acta linguistica Petropolitana*, 7(3), 431–438.
- Shushurin, P. (2018). Null Pronouns in Russian Embedded Clauses. In P. Patel-Grosz, P. G. Grosz, & S. Zobel (Eds.), *Pronouns in Embedded Contexts at the Syntax-Semantics Interface* (pp. 145–169). Dordrecht: Springer International Publishing.
- Sidorova, E. (2014). On the evolution of Russian subject reference. In P. Suihkonen, & L. J. Whaley (Eds.), *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia* (pp. 379–400). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Testelefs, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow: RGGU.
- Tsedryk, E. (2013). Internal Merge of Nominative Subjects and Pro-Drop in Russian. In Shan Luo (Ed.), *Proceedings of the 2013 Canadian Linguistics Association conference*. University of Victoria. Retrieved in <http://homes.chass.utoronto.ca/~cla-acl/actes2013/actes2013.html>
- Yanko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* (2nd ed.). Moscow: Inslav.
- Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zdorenko, T. (2010). Subject Omission in Russian: A Study of the Russian National Corpus. In S. Gries, S. Wulff, & M. Davies (Eds.), *Corpus-Linguistic Applications. Current Studies, New Directions* (pp. 119–133). Amsterdam; New York: Rodopi.

Received on December 03, 2019